

"...по большому счету невредим", - говорил Мейстер Крессен. "Он потянул мышцу на плече, вероятно, во время того, как вытаскивал Лорда Лораса из лавовых туннелей, но у него нет ни одного из тех симптомов, что у больного Лорда Лораса. В основном он, похоже, просто шокирован".

Джон глубоко вздохнул и медленно открыл глаза. В голове у него стучало, и он все еще был так измучен, что просто хотел снова заснуть, что вместе с этими словами говорило ему, что он не мог долго находиться без сознания. Он застонал и почувствовал, как Маргери крепко сжала его руку. Ему удалось заставить свой взгляд немного сфокусироваться. Он встретился с ней взглядом, который каким-то образом умудрился назвать его идиотом гораздо громче, чем она могла бы сделать, если бы закричала. Впрочем, там была и благодарность, которая принесла ему некоторую надежду. "Лорас?" Прохрипел он.

Она фыркнула, но, казалось, больше всего ее это позабавило. "В большинстве других обстоятельств я была бы глубоко оскорблена тем, что мое имя - это не то имя, которое ты выбираешь, когда просыпаешься", - сказала она. Затем смягчилась и улыбнулась своей кривоватой улыбкой. "С ним все будет в порядке, если верить Мейстеру Крессену. Благодаря тебе". Только благодаря ему Лорас оказался в опасности с самого начала, но сейчас у Джона не было сил спорить. И даже если бы он это сделал, вид ее свободной руки, ласкающей легкую выпуклость живота, заставил бы его замолчать, поразив его благоговейным страхом, как это всегда бывало.

Он попытался принять сидячее положение, но тут же понял, что рука, не удерживаемая крепкой хваткой Маргери, была стянута ремнем и дергалась при каждом его движении. Он застонал и попытался подняться, совсем не опираясь на руки. Затем он расслабился и откинулся на подушки с таким раздражением, что Маргери фыркнула и пригладила ему волосы, убрав их с лица.

В следующее мгновение дядя Эртур уже был там, мягко подтягивая его и укладывая подушки позади. Взгляд, который он бросил на него, заставил Джона более чем осознать, что он будет расплачиваться за свой собственный идиотизм на тренировочном дворе, и он был на грани того, чтобы смягчиться при виде этого, как будто у него была вся его жизнь. Затем подслушанный разговор, смутение, недоверие и гнев, все причины, по которым он бежал в первую очередь, вернулись к нему, придали ему сил. Ярость почти душила его, заставляя стискивать зубы и сжимать кулаки. На какое-то мгновение ему захотелось наброситься на Эртура всем телом, закричать от ярости, ударить и укусить. Но это было неправильное побуждение, не то, что он чувствовал, не совсем то. Но он не хотел никого наказывать. Он должен был получить ответы, получить какое-то объяснение, которое придавало бы смысл этим словам, заставило бы мир снова обрести смысл. Он бросил взгляд через комнату на мейстера Крессена. "Лорас нуждается в тебе прямо сейчас?" Спросил он.

"Нет, милорд", - ответил Мейстер Крессен. Видимо, поняв невысказанную просьбу Джона, он быстро кивнул. "Я вернусь, чтобы проверить его в течение часа", - сказал он. Затем он поклонился и вышел из комнаты для больных.

Джон снова переключил свое внимание на дя- или на кого? На человека, которого он считал своим дядей с тех пор, как стал достаточно взрослым, чтобы думать о ком угодно и что угодно. "Почему Сир Освелл Уэнт решил подарить мне нечто столь же бесценное, как Черное Пламя, Сир Эртур?" Спросил он.

Эртур долго смотрел на него, казалось, на мгновение заколебавшись. Его серьезные фиалковые глаза, казалось, смотрели в самую душу Джона так, как не смотрели уже много лет. Потом он

вздохнул и направился к двери. Он держал её открытой достаточно долго, чтобы проверить все снаружи, прежде чем закрыть и запереть на засов, а затем подошел и сел в кресло рядом с Маргери. "Потому что это родовой меч дома Таргариенов и всегда должен принадлежать королю Семи Королевств", - сказал он. "Что бы Эйгон Недостойный ни сделал и какого бы вреда ни причинил, все должно встать на свои места".

Джон сглотнул и на долгое мгновение закрыл глаза. Затем он снова открыл глаза и уставился на человека, который был единственной настоящей константой в его жизни, часто таким же отцом для Джона, как и тот, кого он называл этим титулом. "Скажи мне?" Спросил он. "Пожалуйста?"

Рука Маргери крепче сжала его руку, и Эртур бросил на нее быстрый взгляд. Джон тоже хотел этого, но он не хотел отводить взгляд от Эртура, не хотел давать ему шанса отступить. И он не собирался позволить Эртуру выгнать ее из комнаты. Она была его Леди-женой. Она несла его ребенка. Он доверял ей. Все, что он знал, она тоже могла знать.

Эртур снова перевел взгляд на Джона, и прошло еще некоторое время, но на этот раз Джон подумал, что у него есть свойство человека, которому приходится собирать в кучу множество болезненных мыслей. По крайней мере так казалось Джону. "Мне было примерно столько же лет, сколько тебе сейчас, когда я впервые встретил принца Рейгара", - сказал он после долгого молчания. Его взгляд казался далеким, как будто он смотрел на картину, которую Джон не мог видеть. "Это был какой-то турнир, но мы быстро подружились. В некотором смысле он был странным молодым человеком. Он был задумчив, опрометчив и склонен к меланхолии. Он ненавидел сражаться, но я редко встречал лучшего фехтовальщика или всадника. Я восхищался им с самого начала. Мне нравится думать, что это было взаимно. Несколько лет спустя меня удостоили чести призвать в Королевскую Гвардию. Рейгар стал моим самым близким другом. После Королевской свадьбы мою сестру взяли на службу к Элии Мартелл, и это были одни из лучших лет моей жизни".

Он сделал паузу, нахмурился, и печаль, которую Джон иногда видел в Эртуре, снова стала видимой, но на этот раз она была открытой, а не скрытой или сдерживаемой, и от этого зрелища что-то внутри Джона сжалось от боли. "С одной стороны, у него был огромный потенциал", - сказал Эртур. "Он был действительно хорошим человеком, мягким, сострадательным и мудрым не по годам. Я боготворил его. Я думаю, что многие люди, даже самые близкие к нему, тоже. Но даже если это поразило его по-другому, я не думаю, что безумие Таргариенов полностью обошло его. Его родители были братом и сестрой, а до них - их родители. Как любил говорить Джейхейрис Второй, всякий раз, когда рождается Таргариен, Боги бросают монету, и она приземляется либо на истинное величие, либо на безумие. Рейгар, я думаю, единственный из всех известных мне людей, чья монета смогла упасть на ребро и остаться в таком положении. Он вобрал оба качества".

Джон сглотнул, и часть его хотела возразить против этой, казалось бы, бессмысленной истории о каком-то давно умершем принце, хотела спросить, почему это вообще имеет значение. Но какая-то его часть знала, куда он клонит. После всего, что уже было сказано, и с четырьмя драконами, которые, вероятно, устроили грязный беспорядок в его спальне...

"Рейгар любил истории. Люди любили говорить, что он прочел все книги о Драконьем Камне еще до того, как ему исполнилось восемь лет. Только позже он решил стать воином, потому что прочитал старое пророчество. Он верил, что он - тот самый Принц, который был Обещан. А Принц должен был знать, как сражаться, и именно поэтому он вообще решил стать воином.

"Он заботился об Элии", - продолжил Эртур. "Он был очень добр к ней. Он был добр к

большинству людей, с которыми встречался. Она очень любила его. Я не думаю, что он когда-нибудь любил ее в ответ. А когда родился Эйгон и мастера сказали ему, что она больше не может иметь детей, я думаю, что это был истинный конец всего этого. Еще одно из его пророчеств гласило, что у дракона должно быть три головы, и к тому времени он уже верил, что не он, а его сын был обещанным принцем, и что у него должно быть два партнера для всего, что ждет его впереди, подобно сестрам-женам короля Эйгона. Но Элия не могла дать ему его Висенью, как бы сильно они оба ни хотели ее получить.

"До сих пор я не уверен, что именно Договор и Песнь Льда и Пламени были причиной того, что он преследовал Лианну Старк, или Лианна просто поймала его взгляд и сердце и вдохновила его одержимостью этим". Эртур сделал долгую паузу и тяжело вздохнул. "Я знаю, что они встретились на турнире в Харренхолле, когда его отец послал его в погоню за таинственным рыцарем, известным как Рыцарь Смеющегося Дерева, и он обнаружил Лианну, изо всех сил пытающуюся вылезти из своей помятой нагрудной пластины. Он прикрыл ее и вернулся к королю Эйрису с одним лишь щитом в руке. После этого они встречались по вечерам в Богороще, разговаривали и просто проводили время вместе. Через несколько дней он провозгласил ее Королевой Любви и Красоты. Он обрек на гибель свой дом и королевство, которое должно было принадлежать ему, и если он и понимал, что делает, то ему было все равно. К тому времени он уже был по уши влюблен в нее, и она так же страстно отвечала ему взаимностью.

"Они обменивались письмами почти целый год. Именно в этот год родился Эйгон, и Рейгар узнал, что никакой Висении не будет, по крайней мере с Элией. Его одержимость пророчеством росла так же быстро, как и тоска по Лианне. В конце концов он не выдержал, а она была убита горем из-за того, что ее запланированный брак с Робертом Баратеоном приближался. Они договорились встретиться в Речных Землях, по дороге на свадьбу Брандона Старка и Кейтилин Талли, и сбежали вместе. Что бы ты ни слышал, знай: никакого похищения не было. Никакого изнасилования не было. Они оставили записку, хотя я не могу объяснить, как она была потеряна. Они поженились на Острове Ликов и побежали в Дорнийскую Башню Радости, не заботясь о последствиях своих действий. Лианна, я могу понять её. Она была всего лишь девушкой с головой, полной песен о любви, рыцарях и принцах, и сердцем, полным негодования к человеку, которого она решила ненавидеть из-за бастарда, которого он породил".

При этих словах Джон невольно поморщился, до боли напомнив себе о леди Кейтилин. Какое-то мгновение он не мог не радоваться тому, что Лианна Старк не вышла замуж за Роберта Баратеона, какой бы хаос ни царил в королевстве. Несмотря на то, что он находил короля более чем немного неловким и глупым, он знал, что тот хороший человек, и он знал, что всем, что у него есть, он обязан королю Роберту. Он не пожелал бы Кейтилин Старк ни одному бастарду, и это звучало так, как будто он не пожелал бы Лианну Старк ни одному из незаконнорожденных детей Роберта. Не то чтобы он думал, что Серсея Ланнистер может быть намного лучше.

"Однако Рейгар", - продолжил Эртур, все еще глядя куда-то вдаль. Если он и заметил, как Джон поморщился, то не подал виду. Но Маргери все же сделала это и снова сжала его руку, поднеся ее к своим губам и запечатлев короткий, нежный поцелуй на костяшках его пальцев. "Он был взрослым мужчиной. Ему следовало бы знать о них лучше, но к тому времени его разум был охвачен лихорадочной любовью к Леди Лианне и его одержимостью пророчествами, и он видел не более ясно, чем она. Мы пробыли в башне всего лишь две луны, пока не узнали, что Брандон и Рикард Старк были убиты королем Эйрисом в его насмешке над испытанием поединком. Лианна... Я думаю, что-то внутри нее сломалось от этой новости. Она стала более спокойной, более сдержанной. Ее угнетало чувство вины. Я думал, что она никогда не

перестанет плакать, не говоря уже о том, чтобы снова улыбнуться. Потом она поняла, что ждет ребенка, и это стало тем, что поддерживало ее во всем, что случилось потом. Она очень любила своего ребенка. Она пела ему по ночам, хотя у нее не было для этого голоса, и рассказывала ему все истории, которые знала, все, чем она хотела быть для него, все, чем она хотела, чтобы он был для нее. Лианна Старк стала женщиной, выросшей в этой башне, женщиной, которой я стал восхищаться, уважать и оплакивать как друга, а не только как свою принцессу".

"После того как война была проиграна, она родила в этой башне в тот самый день, когда ее брат, Лорд Эддard, наконец пришел за ней. Мои названные братья и я получили строгий приказ от Рейгара пропустить только ее брата. Никому из его компаньонов нельзя было доверять. Но по пути туда их окружили остатки дорнийских войск, и из отряда, отправившегося в путь, вышли только Нед и лорд Хоуленд Рид, оба окровавленные и измученные. Из рассказов Лианны я знал, что Хоуленд Рид обязан ей своей честью, а возможно, и жизнью, и предать ее было не более чем пролить собственную кровь. Я убедил Герольда и Освелла, что нам не нужно ссориться, и Нед сидел рядом со своей сестрой, когда она умерла. Несколько часов спустя нам пришлось вырвать ее окоченевшую руку из его руки. Он все еще плакал, прижимая ребенка к груди. И какая это была ирония судьбы - обнаружить, что младенец вовсе не Висенья. Лианна назвала его Джейхейрис, в честь Миротворца. Меньше чем через две луны после смерти принца Эйгона родился его младший брат Джейхейрис, третий своего имени, Лорд-Хранитель Государства, истинный король Семи Королевств с того момента, как он впервые вздохнул". Эртур сделал паузу и посмотрел на Джона с такой силой в глазах, что тот едва не пошатнулся.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/40965/909882>